

Новая смена власти в Японии

© 2013

Д. Стрельцов

В статье рассматриваются итоги внеочередных парламентских выборов в Японии. Приводятся основные положения предвыборных программ политических партий, подробно анализируются причины сокрушительного поражения Демократической партии и победы ЛДП.

Ключевые слова: Япония, парламентские выборы, предвыборная программа, «третий полюс», «плавающие голоса», абсентеизм, популизм.

16 декабря 2012 г. в Японии состоялись выборы в нижнюю палату парламента. Они привели к резкому изменению баланса политических сил в стране. Смена власти стала, по крайней мере внешне, не менее сокрушительной, а в чем-то даже и более эффективной, что и три с лишним года назад.

Избирательная кампания по выборам в палату представителей официально началась 4 декабря и продолжалась 12 дней. В борьбе за 480 мест сошлись почти полторы тысячи кандидатов, представлявших двенадцать политических партий. В числе последних были как хорошо всем известные партии, имеющие богатую историю и солидный опыт парламентской деятельности, так и новые партии, которые позиционировали себя в качестве «третьей силы», представляющей альтернативу двум основным политическим силам страны — Либерально-демократической партии (ЛДП) и Демократической партии Японии (ДПЯ). Из числа таковых наибольшее внимание привлекали к себе Общество реставрации (*Исин-но кай*), возглавляемое губернатором Токио Синтаро Исихара, Партия всех, а также Партия будущего Японии (*Ниппон мирай-но то*) во главе с губернатором префектуры Сига Юкико Када.

Главными на повестке дня выборов стали следующие вопросы: 1) как обеспечить экономический рост и стабилизировать процесс углубления дефицита государственных финансов, достигшего более 200% ВВП страны; 2) каким будет будущее японской энергетики и что станет с АЭС страны в постфукусимскую эпоху; 3) должна ли Япония вступать в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), а если да, то на каких условиях; 4) каким образом Японии следует решать вопросы обеспечения национальной безопасности, особенно в связи с наблюдавшимся с лета 2012 г. нарастанием напряженности вокруг островов Сэнкаку, а также очередным запуском северокорейской ракеты.

В соответствии с устоявшейся практикой все японские политические партии опубликовали перед началом избирательной кампании свои политические программы — манифесты¹. Большой интерес представляла предвыборная программа ЛДП, которая, как многие предполагали, возьмет реванш за сокрушительное поражение 2009 г.² ЛДП вы-

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru. Тел.(495)433–2555.

ступила за то, чтобы сократить государственные ассигнования в социальной сфере, а основным источником экономического роста страны сделать масштабное инфраструктурное строительство, обеспеченное массивными бюджетными инвестициями. Экономическая программа ЛДП — это новые государственные долговые обязательства, которые должен будет выкупать Банк Японии, продолжение политики сверхнизких ставок банковского кредитования, а также контролируемая (до 2% в год) инфляция.

По вопросу о развитии энергетики ЛДП, признавая необходимость «устранять зависимость» от атома, предложила, чтобы правительство в течение трех лет приняло решение о том, что делать с остановленными реакторами, а в течение десяти ближайших лет определило оптимальную структуру энергобаланса страны. Что касается Транстихокеанского партнерства, партия выступила против участия Японии в переговорах, если это противоречит национальным интересам Японии³.

В положениях манифестов, касающихся области внешней политики, в полной мере были отражены умеренно националистические взгляды партийного руководства либерал-демократов. Так, ЛДП предлагала изменить статью 96 Конституции страны, облегчив процесс внесения в нее поправок, переписать статью 9, что позволило бы легитимизировать статус «сил самообороны» в качестве полноценной армии, признать «право на коллективную самооборону», позволяющее направлять воинские контингенты за пределы страны без принятия на этот счет специальных законодательных норм, разместить на постоянной основе персонал «сил самообороны» на островах Сэнкаку, дезавуировать заявление о признании японским правительством фактов насильственной сексуальной эксплуатации корейнок японскими военнослужащими в период Второй мировой войны, сделанное в 1993 г. тогдашним генсеком кабинета министров Ё. Коно.

Свои манифесты опубликовала накануне выборов и Демократическая партия. Ее программа была обозначена в пяти областях — социальные гарантии, экономика, энергетика, внешняя политика и безопасность, политическая реформа. Обращала на себя внимание крайняя степень абстрактности и расплывчатости многих манифестов ДПЯ. Так, по отношению к атомной энергетике была просто декларирована необходимость покончить с АЭС к 2030 г., хотя конкретных путей для достижения этой цели обозначено не было. По вопросу об участии Японии в ТТП в манифесте ДПЯ было указано, что страна присоединится к переговорам «после обсуждения данного вопроса» в увязке с вопросом о подписании трехстороннего соглашения о свободной торговле с КНР и РК и комплексного соглашения об экономическом партнерстве в Восточной Азии⁴. По вопросам безопасности и внешней политики программа ДПЯ, критикуя манифесты ЛДП за чрезмерный национализм, который «может вывести Японию и ее народ на опасный путь», предлагала продолжить курс на «углубление» союза с Америкой, не конкретизируя, что подразумевается за данным термином. Следует отметить также практически полное отсутствие в предвыборной программе ДПЯ какой-либо конкретики, выраженной в виде цифровых и временных ориентиров — т.е. всего того, на чем партия «обожглась» на выборах 2009 г.

Что касается Общества реставрации, то манифесты этой партии оставляли двойственное впечатление. С одной стороны, в них остались характерные для ее лидера Т. Хасимото популистские лозунги: «покончить с неограниченной властью центральной бюрократии», «положить конец зависимости от атомной энергетики», «передать право распоряжаться потребительским налогом на местный уровень» и т.д. Декларировалась необходимость проведения кардинальной конституционной реформы, включая упразднение верхней палаты парламента и введение прямых выборов главы исполнительной власти. С другой стороны, в глаза бросалось отсутствие конкретных рецептов для достижения той или иной цели, особенно в экономической и социальной областях, а также нарочитая округлость и расплывчатость формулировок, допускающая самое разное их толкование. Партия отошла от радикализма по вопросам о необходимости участия Япо-

нии в ТТП и о немедленном закрытии всех атомных станций; все действующие АЭС, по ее мнению, должны «естественным образом» выйти из эксплуатации к 2030 г.

Новым игроком на политической арене страны стала Партия будущего Японии, образованная накануне выборов путем слияния партии «Жизнь народа прежде всего» во главе с И. Одзава и группы сторонников губернатора преф. Сига Ю. Када. Партия провозгласила лозунги «покончить с повышением налогов», «отобрать у бюрократов право принятия решений», «проводить внешнюю политику с чувством собственного достоинства»⁵. Наиболее бескомпромиссно Партия будущего высказывалась против атомной энергетики, против участия страны в ТТП, против повышения налогов как средства реализации государственной политики в социальной сфере и т.д.

В целом можно заключить, что практически все политические партии, озабоченные риском оттолкнуть от себя умеренно настроенные слои электората, в преддверии выборов проявляли явную склонность к компромиссам и паллиативным решениям. Пожалуй, только Партия будущего не опасалась проявлять неуступчивость, строя на этом всю свою предвыборную стратегию. Прочие же партии фактически сошлись по основным пунктам электоральной повестки дня. Так, по вопросу о развитии энергетики практически все они заявляли о том, что страна с учетом уроков Фукусимы должна постепенно отходить от АЭС, разница наблюдалась лишь в сроках и методах. Аналогичным образом ни одна из партий не рискнула безоговорочно поддержать идею присоединения Японии к ТТП, включая ДПЯ и Общество реставрации, которые выступали за нее еще совсем недавно. Размывание программно-идеологических различий усложняло для избирателей задачу принятия осознанного выбора, поскольку было крайне трудно нащупать точки противостояния между партиями.

Чувствуя, что идеология пока еще не стала главным фактором электоральной мотивации, многие партии стремились повысить свои рейтинги за счет личной репутации собственных лидеров. Рост значения популизма проявляется в том, что избиратели все чаще голосуют в своем округе под имиджевым влиянием популярного лидера той или партии. В этой связи огромное значение приобретает моральная репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно небольшим нарушениям действующего законодательства, например, несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и проч. Знаменательным было использование образа «чистой» Ю. Када из Партии будущего, равно как и намеренное выдвижение на первый план в Обществе реставрации губернатора Токио И. Исихара, который по популярности выигрывал у его фактического лидера Т. Хасимото.

На основании опросов общественного мнения можно было заранее предугадать, что правящая Демократическая партия Японии потерпит на выборах поражение, а на смену придут ее давние соперники либерал-демократы. Предсказуемо было и то, что ЛДП получит в новом составе нижней палаты «комфортабельное большинство». Тем не менее, итоги голосования 16 декабря были неожиданными и даже в чем-то шокирующими⁶.

Во-первых, поражал воображение масштаб перемен. ДПЯ из 230 мест, которыми она располагала в палате представителей до выборов, сохранила за собой менее четверти — 57. Провалились не только рядовые депутаты, но и члены партийного руководства демократов. Так, из двенадцати членов кабинета, являвшихся до выборов депутатами парламента, потерпели поражение сразу восемь, включая министра финансов К. Дзэдзима и министра общих дел С. Тарутоко. В Ниигате в «вотчине» своего отца, одного из самых известных послевоенных премьеров Какуэя Танаки, не набрала нужного числа голосов министр образования и науки Макико Танака. Падение ДПЯ было стремительным не только в малых округах, что можно было ожидать заранее, но и в округах пропорционального представительства, где партия традиционно чувствует себя очень уверенно: там

демократы получили лишь 30 мест, уступив вторую после ЛДП строчку Обществу реставрации (40 мест).

Во-вторых, более чем убедительной выглядела победа ЛДП, которая увеличила свое представительство с 119 до 294 мест. ЛДП одержала «чистую победу», завоевав мандаты во всех без исключения малых округах сразу девятнадцати префектур (три года назад подобный результат ДПЯ смогла продемонстрировать лишь в двух префектурах). В коалиции со своим традиционным союзником партией Комэйто либерал-демократы завоевали в нижней палате 325 мест. Иными словами, правящая коалиция обрела квалифицированное большинство, которое формально позволяет принимать любые законы, преодолевая вето палаты советников.

В-третьих, существенно меньше, чем ожидалось, получили прочие политические партии. Так, у социал-демократов осталось два депутатских мандата (до выборов пять), у коммунистов — восемь (до выборов девять). Не добились впечатляющих успехов и основные партии, позиционировавшие себя в качестве «третьей силы». Общество реставрации завоевало 53 места, заняв, таким образом, третью строчку после ДПЯ. Что касается одзавовской Партии будущего, имевшей до выборов в нижней палате 61 мандат, то полученные ей 9 мест трудно назвать иначе как полным провалом. Из числа прогнозируемых можно назвать лишь успех Партии всех, которая более чем удвоила свое представительство в нижней палате (18 мест против 8 до выборов).

В-четвертых, беспрецедентным был и уровень неучастия в выборах — явка избирателей составила менее 60%, что примерно на 10% ниже, чем на прошлых выборах. Такой низкий процент электорального участия был показан впервые с момента введения в 1994 г. системы «малых округов». Многие японцы до самого последнего момента не могли сделать свой окончательный выбор — по опросам газеты «Йомиури», еще 7 декабря, т.е. за десять дней до голосования, более четверти избирателей не определились, за кого они будут голосовать. Выборы характеризовала массовая общественная апатия, аполитизм избирателей, утрата ими ясных ориентиров.

Итоги выборов порождают целый ряд вопросов. Почему японцы проголосовали в пользу политической силы, которой они относительно недавно отказывали в доверии и которая даже накануне выборов имела не более 20% поддержки в обществе? Почему неизрасходованный запал неудовлетворенности действующим порядком, накопившийся среди «плавающих голосов», с недавних пор выступающих в современной Японии решающим для итогов выборов электоральным сегментом, сработал именно в пользу либерал-демократов?

Безусловно, одним из главных мотивов было острое желание «показать фигу в кармане» правящей партии. В эмоциях по отношению к демократам среди большинства избирателей превалировало чувство разочарования и даже раздражения.

ДПЯ не справилась с большинством своих предвыборных обещаний, которые в 2009 г. привели ее к победе — они не ввели в полном объеме детские пособия, не создали системы адресной поддержки фермеров, не отменили плату за пользование скоростными автомагистралями, нарушили обещание не повышать потребительский налог (впрочем, следует признать, что последний пункт был признан несостоятельным в программе ДПЯ еще два года назад). С аптекарской точностью было подсчитано, что из 170 пунктов манифестов 2009 г. реализовано было лишь 53, или около 30%⁷.

В области финансов несостоятельным оказалось обещание ДПЯ улучшить катастрофическое положение в сфере государственных финансов путем сокращения расходной части бюджета на 16,8 трлн иен. Провозгласив броский лозунг «От бетона к людям!», правительство ДПЯ проводило масштабное сокращение государственных инфраструктурных проектов, которое только в 2009 г. составило 7,1 трлн иен. Однако непродуманная политика ужесточения бюджета «резала по живому» экономику многих регионов страны, зависящую от государственных заказов, настраивая население против дейст-

вующей власти. Эффект от сокращения был «съеден» новыми расходами на масштабные социальные программы, связанными с введением новых детских пособий, отменой платы за обучение в старших классах средней школы и т.д. С учетом огромных средств, выделенных на ликвидацию последствий катастрофы 11 марта, расходная часть государственного бюджета выросла в период власти ДПЯ с 88,5 трлн иен в 2009 фин.г. до 96,7 трлн. иен в 2012 фин.г.⁸ В результате совокупный государственный долг Японии не только не сократился, но и увеличился, составив более 200% ВВП — наихудший показатель среди развитых стран.

Все это было бы не так плохо, если бы в стране продолжался экономический рост, который бы позволил правительству наращивать налоговые поступления. Однако экономическая ситуация была безрадостной: ВВП продолжал топтаться на месте, а в последний квартал перед выборами и вовсе показал отрицательную динамику.

По меньшей мере, неоднозначными, если не сказать откровенно провальными, были попытки демократов внедрить в практику принцип «политического руководства», усилив за счет ослабления полномочий профессиональной бюрократии право голоса в деле выработки государственной политики со стороны членов политической номенклатуры правительства, представлявших высших руководителей правящей партии. Развернутая ДПЯ кампания «публичной порки» бюрократии не привела ни к повышению финансовой эффективности работы правительства, ни к улучшению качества принимаемых им решений. Наоборот, на отдельных участках ее результатом стал паралич власти, вызванный искусственно созданным противостоянием политиков и чиновников, откровенной враждебностью между ними, а в некоторых случаях — и явным бойкотом бюрократами спускаемых им с политического олимпа решений. Запущенная ДПЯ реформа приводила и к безынициативности технократического звена управления: запуганные чиновники просто ждали руководящих указаний сверху, которых политики не могли представить в силу собственной некомпетентности или недостаточной информированности. Особенно это было заметно там, где требовалась слаженная работа правительства, например, при преодолении последствий природно-техногенной катастрофы 11 марта. Фактическое бездействие кабинета в период сразу после аварии на АЭС Фукусима-1 не без оснований критиковалось как «преступное» — во всяком случае, именно оно, по оценкам экспертов, привело к запаздыванию в меру экстренного реагирования и к дополнительному многомиллиардному ущербу.

Откровенно неуспешными можно назвать попытки руководства демократов покончить с феноменом политического лоббирования: предпринятый немедленно после прихода ДПЯ к власти и шумно разрекламированный роспуск партийного Совета по политическим вопросам, который считается главным оплотом депутатских кланов, вызвал массовое недовольство среди депутатов-заднеспамеечников, отстраненных от процесса принятия политических решений. Это вынудило партийное руководство воссоздать данную структуру фактически в прежнем виде уже через год после ее ликвидации.

Неудачи преследовали демократов и на дипломатическом фронте. Невыполнение обещания перевести американскую базу Фугэма за пределы Окинавы, найдя в Японии альтернативный вариант ее дислокации, стоило места первому главе кабинета ДПЯ Ю.Хатояме, политика которого привела к сильнейшему кризису в японо-американских отношениях. Прямую ответственность на демократов многие возлагали и за охлаждение в отношениях с Китаем, Южной Кореей и Россией. При демократах Япония, пожалуй, впервые за несколько послевоенных десятилетий почувствовала себя в положении «осажденной крепости». Не случайно новый министр иностранных дел Японии Ф. Кисида в составе пришедшего в декабре 2012 г. правительства ЛДП во время вступления в должность особенно выделил первоочередную задачу улучшения отношений со странами-соседями⁹.

Ударил по имиджу партии и коррупционные скандалы, в которые оказались вовлеченными многие члены руководства ДПЯ, включая ее бывшего председателя Ю.

Хатояма, а также генерального секретаря И. Одзава, который отказался взять на себя ответственность за допущенные нарушения Закона о политических фондах даже после того, как в сентябре 2011 г. виновными были признаны несколько его личных секретарей и помощников.

Против ДПЯ играла также неспособность ее лидеров обеспечить единство в партийных рядах. Многим японцам претила неспособность ДПЯ выглядеть консолидированной силой с ясными программными установками. В партии все время наблюдалось открытое противостояние различных группировок по фундаментальным вопросам государственной политики, результатом которого стала неспособность ДПЯ принимать четкие и однозначные решения. Долгое время партию раздирали распри между сторонниками и противниками И. Одзавы, которые не просто вышли на поверхность, но и стали своего рода знаковым явлением, определявшим в глазах избирателей партийный имидж в течение практически всего срока пребывания демократов у власти. Развернувшаяся в партии борьба по вопросу о повышении потребительского налога в конечном счете привела к партийному расколу и выходу из рядов партии «группы Одзава» в августе 2012 г. Процесс самораспада партии на этом не закончился: за последующие несколько месяцев, несмотря на все увещания со стороны председателя ДПЯ Ё.Нода, партию покинули еще более двух десятков депутатов. При этом многие из остающихся в партии депутатов, пренебрегая требованиями партийной дисциплины, продолжали открыто выступать против уже официально принятых партийных решений.

Не добавляла доверия к партии и непоследовательность политических заявлений Нода, касающихся, например, будущего атомной энергетики, членства Японии в Транстихоокеанском партнерстве и др. Хотя было ясно, что лидер ДПЯ вынужден заниматься политическим лавированием и с помощью досрочных выборов пытается предотвратить дальнейший распад партии, многие политически ангажированные избиратели справедливо усматривали в таком поведении лидера ДПЯ предательство собственных принципов. Отсутствие цельной «дорожной карты» по многим животрепещущим вопросам государственной политики привело к тому, что манифесты ДПЯ представляли собой, по выражению газеты «Асахи», «не более чем длинный список обещаний»¹⁰, утратив притягательную силу в качестве полноценной политической программы.

По проведенному газетой «Йомиури» опросу после выборов, в качестве причины поражения ДПЯ наибольшее число респондентов назвало «недостаток единства в рядах ДПЯ» (51% опрошенных), далее следовало «разочарование результатами правления ДПЯ» (21%) и, наконец, «неудовлетворенность деятельностью премьер-министра Ё. Нода» (4%)¹¹. Таким образом, решающую роль в позиции избирателей сыграло восприятие ДПЯ как не вполне состоятельной и недостаточно зрелой политической силы, которой следует «отдохнуть» на скамейке запасных. Иными словами, неголосование за ДПЯ явилось, скорее, формой эмоциональной реакции избирателей на «неподобающий стиль поведения» демократов, нежели проявлением ими осознанной и идеологически мотивированной позиции.

Не сыграл на выборах в той степени, как это ожидалось, и фактор «третьей силы». Казалось бы, Общество реставрации сделало все, чтобы разочарованные в демократах избиратели ринулись к ним в объятья. Еще в феврале 2012 г. Общество провело амбициозную «политическую школу» для своего политического резерва, а ее лидер неоднократно заявлял о намерении выставить кандидатов во всех без исключения «малых округах». Однако в реальности партия Т. Хасимото в течение нескольких месяцев перед выборами катастрофически теряла популярность, а радикальные идеи ее лидера не производили должного впечатления. Хорошим шансом для обновления партийного имиджа стало то, что выборы были объявлены в момент после слияния Общества реставрации с партией относительно популярного мэра Токио. На Общество играло и то, что избиратели находились под впечатлением от недавних пикировок Японии с Китаем и Южной Кореей по территори-

альным проблемам. Предвыборные лозунги нового лидера Общества С. Исихара, призывающие к «возрождению японского духа» и «возвращению к истокам», попадали на благодатную почву. Тем не менее, успех Общества реставрации можно назвать весьма относительным. Даже в Токио, мэром которого до недавнего времени был глава Общества С. Исихара, партия не смогла набрать в малых округах ни одного голоса.

В целом «третий полюс» оказался плохо подготовленным политическим проектом, преследующим эгоистическую задачу перешедших в новые партии депутатов — пробиться в парламент, эксплуатируя массовое недовольство обеими «системными» партиями. В глаза бросались соревнование их лидеров в популистских обещаниях (чего стоило только предложение Ю. Када «немедленно» покончить с атомной энергетикой), «разброд и шатания», а то и откровенная взаимная грызня. Трудно было отделаться и от впечатления какого-то хаотического толкания локтями с целью застолбить себе место «единственно правильной» «третьей силы», способной указать народу верный путь. Такую ситуацию очень хорошо почувствовали избиратели, которые, уже обжегшись на популизме ДПЯ, в массе своей предпочли не рисковать, проголосовав за «проверенных» либерал-демократов. Это признали даже представители самих «третьих сил». Например, лидер Новой партии Реформа Ё. Масудзоэ заявил: «В пользу ЛДП сыграло то, что «третий полюс» оказался в состоянии полного хаоса»¹².

Что касается Либерально-демократической партии, голосование за нее можно сравнить с манифестацией протестных настроений избирателей, разочаровавшихся в броских лозунгах популистов новой волны. Безусловно, нельзя отрицать, что часть электората голосовала за ЛДП сознательно, «купившись» на некоторые из ее манифестов. Многим импонировала националистическая риторика С. Абэ, который обещал поменять конституцию, создать «оборонительную армию», разместить на постоянной основе военный персонал на островах Сэнкаку — словом, сделать все возможное для отстаивания национальных интересов страны, особенно в контексте обострения территориальных споров с Китаем и Южной Кореей. Другим тезисом, который привлек внимание электората, особенно в регионах с депрессивной экономикой и традиционно зависимых от государственных заказов — обещание ЛДП стимулировать экономику бюджетными деньгами, продолжая политику массивованного накачивания ее инфраструктурными заказами. Однако непроясненным оставался вопрос, каковы должны быть финансовые источники для такой политики в условиях тяжелейшего кризиса государственных финансов.

Однако гораздо большую роль в победе ЛДП, как представляется, сыграл на выборах фактор неявики на выборы, ставший следствием усиления настроений аполитизма в среде избирателей. Низкий порог явки стал сильным аргументом против ДПЯ, которую поддерживают в основном волатильные «городские слои», сыгравшие наибольшую роль в бойкоте выборов. В свою очередь, для ЛДП, сохранившей в регионах мощную систему электоральной поддержки «организованных голосов», низкая явка традиционно дает лучший результат. За ЛДП в малых округах голосовали по традиции и избиратели Ко-мэйто, представляющие один из наиболее структурированных сегментов «организованных голосов».

Существенный вклад в результаты выборов внесли и особенности электоральной системы Японии. В малых (мажоритарных) округах основной накал борьбы традиционно наблюдается между двумя крупнейшими партиями — ЛДП и ДПЯ, которые, в отличие от прочих партий, способны выдвинуть кандидатов на всем политическом пространстве страны. Однако после раскола ДПЯ уже не смогла представлять либерал-демократам действенную альтернативу во всех без исключения малых округах, в результате чего планка для победы на выборах существенно снизилась. В малых округах представители ЛДП побеждали с гораздо меньшим уровнем электоральной поддержки, чем это было, например, на предыдущих выборах. ЛДП получила там рекордные 237 мест из 300 (79% мандатов), при том, что партия собрала в них лишь около 43% голосов. Крас-

норечиво выглядят следующие цифры: ЛДП получила в малых округах лишь в 1,9 раз больше голосов избирателей, чем ДПЯ, однако завоеванное ею в них число депутатских мандатов превышает показатель ДПЯ в 8,8 раз¹³. Вместе с тем, к числу «мертвых», т.е. потерянных, относится около 53%, т.е. больше половины голосов, поданных в малых округах за иные, помимо ЛДП, партии.

Следует отметить усиление на выборах в малых округах фактора «плавающих голосов», ставшее в последние годы знаковым явлением в политической жизни страны. В отличие от «традиционных» избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминируется их происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти электоральные слои более волатильны в своих политических предпочтениях, являясь, скорее, продуктом постиндустриальной цивилизации. Даже с учетом того обстоятельства, что общая доля таких голосов относительно невелика, именно их поддержка была решающей для сокрушительной победы демократов на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила поражение ДПЯ на выборах в палату советников летом 2010 г. Поскольку политически мотивированный избиратель делает свой выбор в последний момент на основе собственных субъективных ощущений, общий исход голосования оказывается все более труднопредсказуемым¹⁴.

Что касается округов пропорционального представительства, там либерал-демократы набрали лишь 27,6% голосов, что даже меньше, чем это было в 2009 г. (27,73%), когда ЛДП потерпела сокрушительное поражение¹⁵. Здесь за нее сыграл фактор «третьей силы», которого не было три с лишним года назад: новые партии (Общество реставрации и Партия всех) оттянули на себя значительную часть «плавающих голосов», которые были поданы на прошлых выборах в пользу ДПЯ. Фактически реальная борьба шла не между ЛДП и ДПЯ, а между ДПЯ и партиями «третьего полюса», усилиями которых поражение демократов стало столь сокрушительным. Таким образом, тезис о «безоговорочной» победе ЛДП, которой японские избиратели единодушно доверили бразды правления страной, вызывает обоснованные сомнения.

Результаты выборов привлекают повышенное внимание к вопросам избирательной системы, реформа которой становится одним из главных пунктов в политической повестке дня нового правительства. Применение мажоритарного принципа практически детерминирует сокрушительный характер смены власти на каждых последующих выборах. Так, на выборах в палату представителей 2005, 2009 и 2012 гг. победившая партия одерживала сокрушительную победу, набирая в каждом случае около 300 мест, т.е. количество мандатов, близкое к квалифицированному большинству.

Некоторые моменты, связанные с применением мажоритарного принципа при выборах в нижнюю палату парламента, вызывают в Японии обоснованную критику. К их числу относят, например, приход в парламент на гребне общественных настроений большого количества неопытных и малоискушенных в политической деятельности новичков, пользующихся протекцией одного из влиятельных лидеров победившей партии. Речь идет о т.н. феномене «детей» — депутатов, связанных со своим покровителем отношениями личной преданности. Такими были «дети Коидзуми» в 2005–2009 гг., «дети Одава» и в 2009–2012 гг. Как правило, они оказываются неспособными удержаться в парламентском кресле более одного срока. Их приход в политический мир означает снижение качества депутатского корпуса, что в свою очередь порождает еще больший уровень общественного разочарования в отношении действующей власти.

Другой момент — боязнь партий выступать с четкими программными установками, которые могут «отпугнуть» часть несогласных с ними избирателей, проявляющаяся на фоне того, что даже небольшие колебания избирательного сознания могут, как показывает практика, оказать решающее воздействие на итоги голосования. «Системные» партии, кроме того, опасаются, что выражение в манифестах четкой политической линии, ущемляющей интересы определенных электоральных слоев, приведет к снижению

финансовой поддержки со стороны влиятельных организаций-спонсоров. Так, например, опасение лишиться политических пожертвований от Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнно*), а также Японской ассоциации врачей (*Исикай*) заставили обе главные партии страны отказаться от того, чтобы однозначно зафиксировать в предвыборных манифестах курс на участие Японии в Транстихоокеанском партнерстве. В результате партии оказываются неспособными определить четкую политическую позицию по важным вопросам государственного управления, программные различия между ними стираются, что не позволяет избирателям сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях.

Прошедшие выборы в очередной раз наглядно продемонстрировали, что реальную возможность выжить по действующим правилам имеют лишь достаточно крупные политические партии. Фактически речь идет о двух «системных» партиях, которые способны составить друг другу политическую альтернативу во всех избирательных округах страны. Прочие же партии могут рассматриваться, скорее, в качестве потенциальных кандидатов для формирования коалиций с одной из двух крупнейших партий. Таким образом, на политическом поле доминирует эффект поляризации, который заставляет любые партии «третьего», «четвертого» и иных полюсов тяготеть к одной из двух главных сил.

Эффекту поляризации способствует и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для малых партий. В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не происходило и политической институализации интересов таких меньшинств. К тому же японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении, его основу составляет сильный средний класс, а противоречия между трудом и капиталом не носят непримиримого характера.

Свою роль в процесс поляризации партийно-политического пространства вносит также то, что японские избиратели, имеющие более протекционистски ориентированный, чем в других странах, тип сознания, склонны поддерживать в первую очередь те партии, которые имеют реальную перспективу прихода к власти. В общественном сознании сложился стереотип, согласно которому вхождение во власть представляет собой высшую цель политических партий, ради которой они могут даже пожертвовать своими идейными принципами. С этой точки зрения, партии «третьего полюса» сохраняют свой потенциал в первую очередь как политические акторы, обеспечивающие после своего вхождения во власть корректировку курса правящей коалиции в направлении лучшего учета позиции специфических интересов отдельных социальных групп и слоев. Типичным примером, с этой точки зрения, выступает давний союзник ЛДП партия Комэйто, которую многие рассматривают в качестве «пацифистского крыла» ЛДП.

Безусловно, трудно отрицать, что в перспективе малые партии сохраняют свою, во многих случаях существенную роль в политических процессах Японии. В этом им помогают особенности избирательной системы страны, в частности, принципиальные различия в порядке выборов в палату советников и палату представителей, а также наличие в нижней палате большого блока мест, избираемых в округах пропорционального представительства. Малые партии, безусловно, будут и впредь возникать из осколков «системных» партий, объединяться между собой и с крупными партиями, самораспускаться. Им на руку играет рост популизма в политике, заставляющего амбициозных политических деятелей, по какой-то причине неудовлетворенных своим положением в «системной партии», решительно порывать с ней, организуя собственную партию. Харизматические лидеры, безусловно, будут продолжать напрямую апеллировать к народным массам и даже на ограниченное время пользоваться существенной общественной поддержкой. Вместе с тем, нельзя не видеть и общую тенденцию — на фоне феномена поляризации малым

партиям суждено либо блокироваться с крупными партиями, либо вообще уходить с политической сцены.

-
1. <http://senkyo.yahoo.co.jp/manifesto/party>.
 2. <http://www.jimin.jp/policy/pamphlet/>
 3. Санкэй симбун 2012. 2 дек.
 4. Йомиури симбун 2012. 28 нояб.
 5. Йомиури симбун 2012. 29 нояб.
 6. <http://senkyo.yahoo.co.jp/>
 7. Йомиури симбун 2012. 18 нояб.
 8. Йомиури симбун 2012. 18 нояб.
 9. http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1212.html#8.
 10. Асахи симбун 2012. 28 нояб.
 11. Йомиури симбун 2012. 20 дек.
 12. <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20121217/k10014228681000.html>.
 13. Йомиури симбун 2012. 24 дек.
 14. *Стрельцов Д.В.* Избирательная система в современной Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 64.
 15. http://nihon-kokumin.blogspot.ru/2012/12/blog-post_24.html.